

В судьбе артиста все решить может не только случай, но и жест... Как случилось с Сергеем Виноградовым. Ему, выпускнику Театрального училища имени Б.В. Щукина, фортуна явилась в кафе театра «Сатирикон». В образе... няни Константина Райкина. «Посмотри-ка, Котя, это же... Мадам!» – не удержалась няня, показывая своему воспитаннику на молодого актера, аристократично попивающего кофе. На следующий день, отыграв в детском спектакле разбитного Маугли, Виноградов уже осваивал изысканные манеры той самой Мадам, которая в спектакле «Служанки» Романа Виктюка пленила театральных гурманов и взбудоражила критиков, а заодно и общественное мнение.

Богдан ЖЕЛТОБРЮХ

– А вы уверены, что это именно женщина?
– А кто еще? Почерк женский, манера письма тоже. Уж поверьте, я разбираюсь.

Страсти по поводу самой скандальной постановки перестроечных лет давно утихли. А для Виноградова наиболее привычным стал образ эдакого Казановы в самых разнообразных интерьерах и вариациях: «Овечка», где Сергей играет с Инной Чуриковой, «Ночь нежна» и «Путешествие дилетантов» в Театре Луны Сергея Проханова, недавняя премьера Театра им. Моссовета «Куколка». Меняются названия пьес и имена виноградовских героев. Неизменно одно: везде он безоглядно любит и с каким-то почти болезненным азартом добивается любви.

– Сергей, вы сами-то ощущаете себя секс-символом?

– Нет, что вы. Не русское это дело. Просто механическое перенесение американских традиций на российскую почву. Для голливудских звезд подобные титулы органичны. У нас же они звучат неестественно и смешно даже. Нет, я не секс-символ. Спасибо.

– Скромность, конечно, украшает человека. Но ведь поклонники наверняка дают о себе знать?

– Не так, конечно, как у знаменитостей мирового масштаба, но случается. Скажем, вот уже подтора года после каждого представления «Ночь нежна» я неизменно нахожу на лобовом стекле своего автомобиля розу и листочки бумаги. Какая-то женщина пишет мне записки о моей игре и благодарит, то замечания делает. Я просил вахтерш выяснить, кто эта таинственная незнакомка, но шпионаж не дал никаких результатов. Она появляется и исчезает незаметно.

– А ведь начинали вы с куда более целомудренных образов. Вам, говорят, еще в застойные времена довелось сыграть Иисуса Христа?

– Было дело. Я тогда был школьником. И мы всем классом отправились в колхоз Бояркино на уборку картофеля. Наша постановка так и называлась «Иисус Христос в Бояркино». Это было далеко от Москвы, и руководство колхоза к нам отнеслось лояльно. Лучший друг мне

– Ну а поклонники-мужчины на вашем горизонте разве не возникали?

– Ну почему же? Попадаются. Сам-то я, признаться, не по этой части. Но это я знаю. А у многих сложилось иное мнение, особенно «в эпоху Виктюка», когда на актерах-мужчинах были килограммы дамского макияжа и женские платья. Был один сумасшедший балетоман, который не пропускал ни одного представления «Служанок» и постоянно преподносил мне в финале огромные букеты цветов. Или другой случай, когда во время гастролей в Риге четыре года назад меня чуть было не похитили какие-то странные люди. Организаторы гастролей даже вынуждены были приставить ко мне двух телохранителей. Есть фотография: я, а рядом – два здоровенных амбала, которые до меня охраняли президента Финляндии во время его визита в Латвию. Вот так в течение двух недель меня ограждали от домогательств. Были они сексуальными или нет – неизвестно. Но четыре зловещие иномарки действительно гонялись за нашим автобусом по всей Риге.

– А маэстро Виктюк как ко всему этому относился? Ведь и за ним в театральном мире закрепи-

тогда сказал: «Да тебе нужно в ГИТИС!» Я только рукой в ответ махнул: «Ты свихнулся, что ли?» Но в душу мне он все же что-то заронил.

– Вам 33. Достигнув возраста Христа, наверное, подводишь какие-то итоги. Они приятные для вас или мучают сомнения, неудовлетворенность?

– Я понял одно: нельзя работать на результат. Дальше всех пойдет тот, кто... не знает, куда идти. Зайду ли я дальше всех – не знаю. Во всяком случае, пока что для меня процесс важнее, чем результат. Более того, я знаю, что результат достигается только тогда, когда ты о нем забываешь.

– Вы, похоже, верите в так называемую «теорию немислимых сил»?

– Да, что-то такое есть. Я, скажем, очень внимательно отношусь к номерам автомобилей, мимо которых

В ПОГОНЕ ЗА ВИНОГРАДОВЫМ

лась слава режиссера, для которого «экзотические» пристрастия – одно из решающих обстоятельств при выборе артиста на роль.

– Здесь я, увы, тоже ничем не смогу порадовать коллекционеров «клубничных» сплетен. Тесно мы с Романом Григорьевичем не общались. Я даже в гостях у него ни разу не был. Лишь однажды пришлось остаться с ним наедине. Мы ехали вместе в СВ. Но все было мирно и цивилизованно. Он раскрыл книжку и уткнулся в нее. Я сделал то же самое. Так и проехали всю ночь и весь день.

– Вы ведь по-прежнему приходите чуть ли не на каждую премьеру Виктюка. Остаетесь все-таки поклонником мэтра?

– Ходить – хожу. Но от преклонения мои чувства далеки. Много из того, что сейчас делает Виктюк, мне просто непонятно. Непонятно, зачем вообще он это делает.

– А маэстро, говорят, на вас до сих пор зол за то, что вы ушли из его театра...

– К сожалению, ничего не могу с этим поделать.

– Может, хотя бы расскажете о вашей размолвке? Ведь перспективы у вас как у премьера были хоть куда. Вам, говорят, была уготована новая экстравагантная роль – Саломея. Я имею в виду постановку по Оскару Уайльду, которой Роман Григорьевич грезил лет семь. И вдруг вы от Виктюка сбежали.

– Я и так сыграл в двух его спектаклях – в «Служанках» и «М. Баттерфляй». Пора было остановиться. Для меня отсутствует такое понятие, как постоянный столик в гримерке. Тем, кто оседает в каком-то одном театре, вся эта пресловутая стабильность и постоянство дают мнимую уверенность в жизни. Успокоенность. А нужно быть всегда открытым для новых пьес, новых ролей. Еще в театре Виктюка я выпустил свой спектакль «Коллекционер». Это была первая постановка, которая вошла позднее в репертуар «Театральной компании Сергея Виноградова». Позже к ней прибавились еще «Машенька» по Набокову и спектакль по мотивам Кортасара «Six. Sex. Sex» – история о великом джазовом саксофонисте Чарли Паркере.

– А ведь начинали вы с куда более целомудренных образов. Вам, говорят, еще в застойные времена довелось сыграть Иисуса Христа?

– Было дело. Я тогда был школьником. И мы всем классом отправились в колхоз Бояркино на уборку картофеля. Наша постановка так и называлась «Иисус Христос в Бояркино». Это было далеко от Моск-

«Я бегу от поклонников и вижу сцену в кошмарных снах»

проезжаю в течение дня. По совокупности номеров определяю код, разгадка которого известна мне одному. Он «подсказывает», что меня ждет дальше.

– Впервые вижу актера, находящегося в ладах с математикой.

– Так я же учился в

математической школе, а после еще три года в МАИ. И моя техническая специальность была очень близка к тому, чем я занимаюсь сейчас: динамика и управление полетом.

– У вас есть какие-то профессиональные страхи?

– Мне часто снится один и тот же сон. Вроде бы я попадаю в незнакомый театр, стою в непонятном костюме, даже не знаю названия спектакля и уж тем более не представляю, чего хотят от меня партнеры, которые развернулись и ждут моей реплики. Куда деваться? Кошмар!

– А в реальности нечто подобное происходит?

– Ну разве что изредка «раскалываюсь» на сцене. Иногда хохот просто душит – невозможно удержаться! Прошлой зимой играем «Ночь нежна». В начале второго акта у Анатолия Ромашина текст: «Здесь, в Лозанне, конечно, хороший климат, но не для меня». И вдруг Ромашин произносит: «Здесь, в Нагано, конечно, хороший климат, но не для меня». А как раз шла Олимпиада в этом самом Нагано, и, видимо, он каждый день смотрел! Ну что мне прикажете делать? Стою в метре от публики – ничего не скрывать. Я засмеялся первый, зал подхватил. Сценарием это, естественно, предусмотрено не было, но зато все поняли, что Анатолий Владимирович очень любит спорт, и еще больше его зауважали. Так что моя совесть чиста.